

Джеймс
Джойс

Похороны
Патрика
Дигнэма

в переводе
Валентина
Стенича

Ad Marginem

Джеймс Джойс

**Похороны Патрика Дигнэма в
переводе Валентина Стенича**

«Ад Маргинем Пресс»

1926

УДК 82-3
ББК 84стд1-44

Джойс Д.

Похороны Патрика Дигнэма в переводе Валентина Стенича /
Д. Джойс — «Ад Маргинем Пресс», 1926

ISBN 978-5-908105-07-1

Один из шедевров модернистской литературы – роман Джеймса Джойса (1882–1941) «Улисс» – впервые был полностью напечатан в 1922 году, а полный русский перевод появился лишь в 1989-м. Настоящее издание знакомит читателей с волнующим эпизодом «русской джойсианы»: в 1934–1935 годы в ленинградских журналах публиковались главы романа в переводе Валентина Стенича (наст. фамилия Сметанич, 1897–1938). «Русский денди» из одноименного очерка Блока, близкий друг Олеси, переводчик и личный гид Дос Пассоса, поэт и остролов, одна из ярких звезд на блистательном небосводе русской словесности 1920-х, Стенич в итоге вошел в историю отечественной культуры как переводчик. Среди авторов, переложенных им на русский, – Киплинг и Брехт, Честертон и Шервуд Андерсон. Стенич – герой легенд и анекдотов, сохранившихся в памяти мемуаристов, – Мандельштама, Лившица, Олеси, Чуковского, Ардова и др. «Трудам и дням» Стенича посвящена вступительная статья составителя настоящего сборника Константина Львова.

УДК 82-3
ББК 84стд1-44

ISBN 978-5-908105-07-1

© Джойс Д., 1926
© Ад Маргинем Пресс, 1926

Содержание

Утро м-ра Блума[1]	11
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Джеймс Джойс
Похороны Патрика Дигнэма в
переводе Валентина Стенича

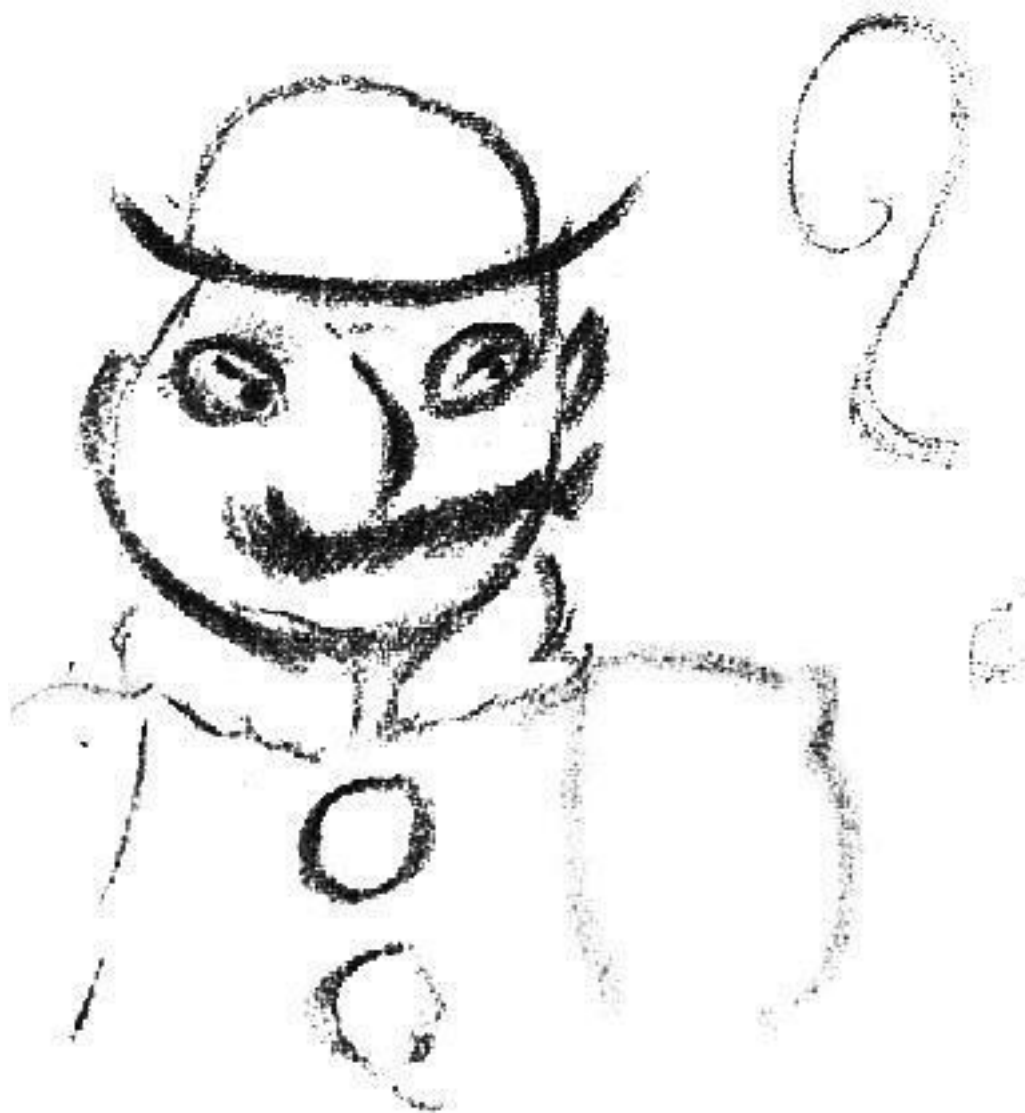
Перевод
Валентин Стенич

Составитель
Константин Львов

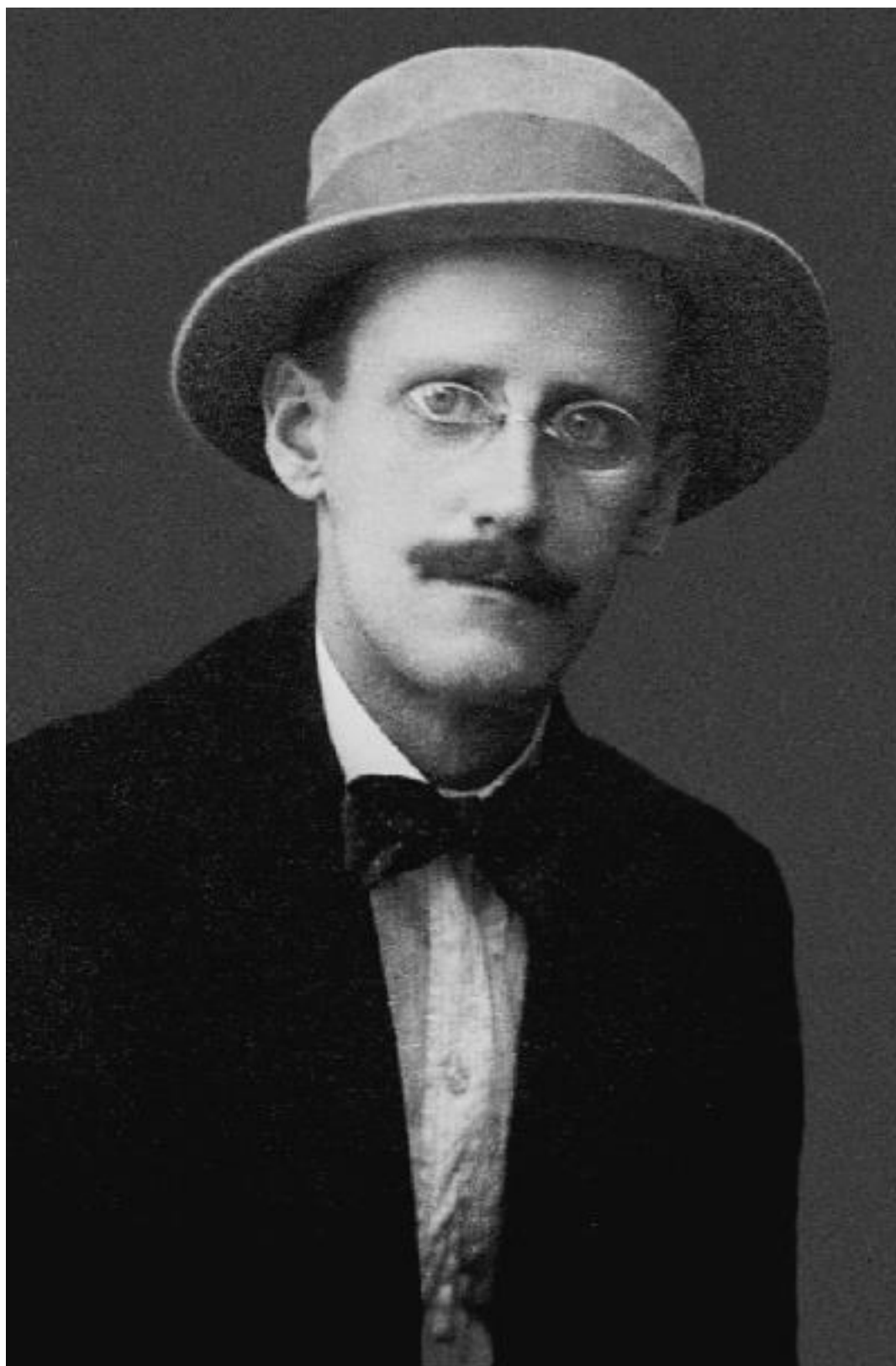
Оформление
Елизавета Лотникова

Ad **M** *arginem*

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

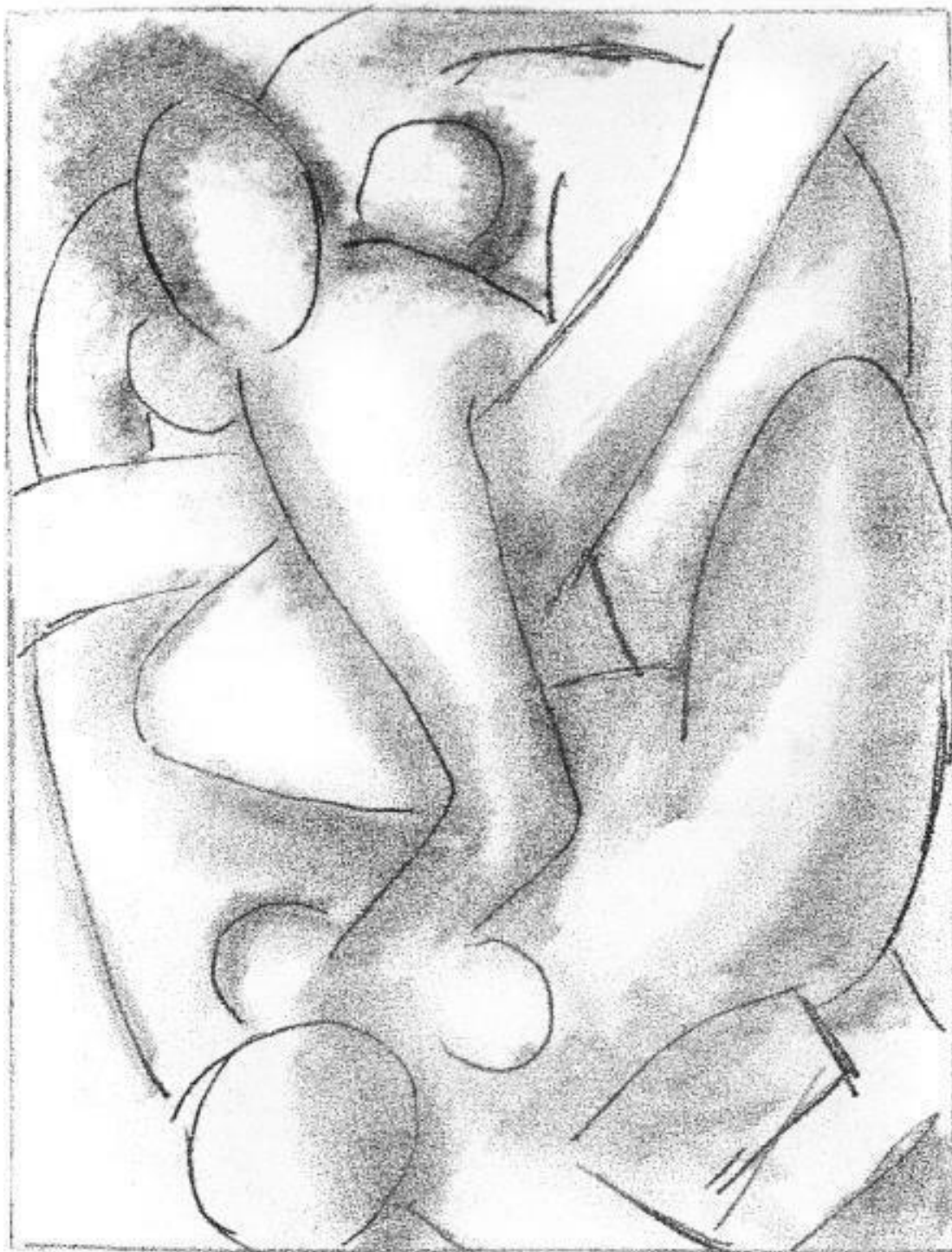
Джеймс Джойс,
1926 год, из заметок, рисунок Леопольда Блума

Джеймс Джойс

Валентин Стенич

Анри Матисс, 1935 год, из серии «Улисс» из шести гравюр,
29,9 × 21 см

Утро м-ра Блума¹ глава из «Улисса»

М-р Леопольд Блум охотно ел внутренние органы животных и птиц.

Он любил жирный суп из гусиных потрохов, начиненную орехами шейку, фаршированное жареное сердце, рубленую печенку с хлебной корочкой, запеченные наважки молюски. Больше всего он любил жаренные на углях бараньи почки, оставлявшие на его нёбе легкий, еле уловимый вкус мочи.

О почках он и думал, бесшумно расхаживая по кухне и собирая на покоробленный поднос завтрак. Свет и воздух в кухне были прохладны, но за дверью – мягкое летнее утро повсюду. От этого чуточку хотелось есть.

Угли багровели.

Еще ломтик хлеба с маслом: три, четыре: так. Она не любит, когда тарелка полная. Так. Он отошел от подноса, снял чайник с конфорки и поставил его боком на огонь. Чайник уселся, тупой и толстый, выставив носик. Скоро чашка чая. Хорошо. Во рту сухо. Кошка ходила на несгибающихся лапах вокруг ножки стола, хвост кверху.

– Мяу!

– Ах, вот ты где, – сказал м-р Блум, отвернувшись от очага.

Кошка мяукнула в ответ и опять чопорно зашагала вокруг ножки стола, мяукая. Вот так точно она разгуливает по моему письменному столу. Прр. Почеши мне голову. Прр.

М-р Блум с добродушным любопытством следил за грациозным черным существом. Приятно смотреть: глянцевитая, мягкая шерсть, белая пуговка под хвостом, зеленые мерцающие глаза. Он нагнулся к ней, ладонями в колени.

– Кисеньке молока, – сказал он.

– Мяу! – крикнула кошка.

Говорят, что они глупые. Они понимают всё, что мы говорим, лучше, чем мы их. Она понимает всё, что она хочет понять. И мстительная. Интересно, каким я ей кажусь. Вышиной с башню? Нет, она ведь может вспрыгнуть на меня.

– Мы цыпят боимся, – поддразнил он. – Цыпочек боимся. В жизни не видал такой глупой кисеньки, как наша кисенька.

Жестока. От природы. Забавно, мыши никогда не пищат. Нравится, должно быть.

– Мяу! – громко сказала кошка.

Она поглядела вверх жадными, стыдливо сошуренными глазами, жалобно и протяжно мяукая, показывая ему молочно-белые зубы. Он следил, как темные глазные щели алчно сужались до тех пор, пока ее глаза не превратились в зеленые камни. Тогда он подошел к кухонному шкафу, достал кувшин, только что наполненный молочником от Ханлона, налил в блюдце тепло пузырящегося молока и осторожно поставил его на пол.

– Гуррхр! – закричала она и, подбежав, принялась лакать.

Пока она три раза подряд тыкалась в блюдце и осторожно лакала, он смотрел на ее усы, сверкавшие, как проволока, в слабом свете. Интересно, это правда, что, если обрезать им усы, они потом не могут ловить мышей? Почему? Блестят в темноте, может быть, кончики. Или вроде щупальцев в темноте, может быть.

Он слушал, как она лакала и глотала. Яичницу с ветчиной, нет. Когда так сухо во рту, яйца не хорошо. Хорошо бы чистой, свежей воды. Четверг: сегодня у Бэркли не найти хоро-

---

¹ Заголовки в переводе принадлежат Стеничу, у Джойса это эпизод 4 (по сквозной нумерации), или глава 1 части II. – *Здесь и далее – примеч. составителя.*

шей бараньей почки. Поджарить на масле, подбавить перцу. Лучше свиную почку у Длугача. Покуда чайник закипит. Она стала медленней, потом недочиста вылизала блюдец. Почему у них такой шершавый язык? Чтобы удобней лакать, сплошь поры. Чего бы ей еще дать поесть? Он огляделся. Нет.

Тихо поскрипывая башмаками, он поднялся по лестнице в холл, остановился у двери спальни. Может быть, ей хочется чего-нибудь вкусного. Она любит по утрам тоненькие ломтики хлеба с маслом. Может быть: как когда.

Он тихо сказал в пустом холле:

– Я до угла. Через минуту вернусь.

И, услышав свой голос, произнесший эту фразу, он прибавил:

– Что ты хочешь к завтраку?

Сонный, тихий храп ответил:

– Мн.

Нет, она ничего не хотела. Потом он услышал теплый, тяжелый вздох тише, это она повернулась на другой бок, и расшатанные медные шишки на кровати задрезжали. Надо как следует подвинтить их. Жалко. С самого Гибралтара. Немножко знала испанский, и то забыла. Интересно, сколько ее отец заплатил за нее. Старинная. Ну да, конечно. Купил на аукционе у губернатора за гроши. В денежных делах тверд, как кремь, старик Твиди. Да, сударь. Было это под Плевной. Я, сударь, из рядовых выбился и горжусь этим. А все-таки хватило сообразительности скупить почтовые марки. Определенно дальновидный старик.

Его рука сняла шляпу с крюка, на котором висели его осеннее пальто с монограммой и купленный по случаю в бюро находок дождевик. Марки: картинки с клеем назади. Убежден, что этим делом занимаются многие офицеры. Несомненно. Пропотелое клеймо на дне шляпы сказало ему молча: Пласто высшая марка шля. Он быстро заглянул за кожаный ободок. Белая бумажная полоска. В полной безопасности.

На пороге он поискал в заднем кармане ключ от парадной. Нету. В тех штанах, что я снял, надо поискать. Картофель у меня есть². Шкаф скрипит. Не стоит ее будить. Она как раз повернулась во сне на другой бок. Он очень тихо потянул за собой дверь, еще, покуда низ двери не примкнул к порогу, усталое веко. Выглядит так, словно заперто. Как-нибудь сойдет, пока я не вернусь.

Он перешел на солнечную сторону, обойдя поднятую крышку люка № 75. Солнце приближалось к колокольне церкви св. Георгия. Сегодня будет тепло, я думаю. В черном костюме особенно чувствуется. Черный цвет проводит, отражает (или преломляет?) тепло. В светлом костюме я бы не мог выйти. Точно на пикник. Его веки часто спокойно опускались, пока он шел в блаженном тепле. Хлебные фургоны Болэна, развозящие в ящиках наш насущный, но он предпочитает вчерашние хлебцы, яблочные пироги, поджаренную хрустящую горбушку. Сразу чувствуешь себя молодым. Где-нибудь на востоке: раннее утро: встать на заре, всё время идти по миру впереди солнца, опережая его на один день. Остановить его навсегда, никогда ни на один день не состаришься, рассуждая теоретически. Потом по берегу, чужая страна, городские ворота, там постовой, тоже старый служака, усищи, как у старика Твиди, склонившийся на этакое длинное копьё. Блуждать по улицам с тентами. Мимо – лица под тюрбанами. Темные пещеры ковровых лавок, огромный дядя. Страшный турок, сидит, поджав ноги, курит изогнутую трубку. Торговцы орут на улицах. Пить воду, пахнущую укропом, шербет. Весь день бродить. Пожалуй, встретиться с разбойником, с двумя. Ну что ж, ну и встретиться. Так до вечера. Тени мечетей на пилястрах: священник с развернутым свитком. Трепет в деревьях, сигнал,

---

² Некогда мать Блума дала ему картофелину как талисман, напоминание о Великом голоде в Ирландии в 1845–1851 годах, который начался с заражения картофельных посевов. От голода погибло около миллиона и еще столько же ирландцев эмигрировало.

вечерний ветер. Я иду дальше. Блекнет золотое небо. Мать стоит на пороге. Она зовет детей домой на темном их языке. Высокая стена: за ней звенят струны. Ночь, небо, луна, фиолетовая, как новые подвязки Молли. Струны. Слушай. Девушка играет на этом инструменте, ну, как он называется: цитра. Я иду дальше.

На самом деле, вероятно, ничего подобного. Всё от чтива: по пути солнца³. На титульном листе солнечный восход. Он улыбнулся, довольный. Как это Артур Гриффитс сказал про заставку над передовой во «Фримэне»: солнце гомруля, встающее на северо-западе из переулка за Ирландским банком⁴. Он задержал довольную улыбку. Звучит по-еврейски: солнце гомруля, встающее на северо-западе.

Он подошел к магазину Ларри О'Рурка. Из-за решетки погребка вздымались густые испарения портера. Бар дышал в открытую дверь запахами имбиря, чайной пыли, бисквитного теста. Хорошее местечко все-таки: тут как раз кончается уличное движение. Например, трактор Мак-Оли там внизу – н. х. место⁵. Конечно, если бы проложили трамвайную линию вдоль Северного круга от скотного рынка до набережных, цена бы моментально вскочила.

Лысая голова над шторой. Хитрый старый скряга. Не имеет смысла уговаривать его насчет объявления. Он сам знает, что ему нужно. Вот он собственной персоной, работяга Ларри, без пиджака, прислонился к ящику с сахаром, смотрит, как его приказчик в переднике орудует шваброй и ведром. Саймон Дэдалус замечательно изображает его, как он щурит глаза. Знаете, что я вам скажу? Ну что, м-р О'Рурк? Знаете что? Японцы в два приема слопают русских.

Остановлюсь, перекинусь парой слов: насчет похорон, что ли. До чего жалко беднягу Дигнэма, м-р О'Рурк.

Свернув в Дорсет-стрит, он бодро сказал, здороваясь через порог:

– Добрый день, м-р О'Рурк.

– Добрый день.

– Хороша погодка, верно?

– Лучше не бывает.

Откуда они достают деньги? Приезжают такими рыжеволосыми мальчишками из какого-нибудь захолустья и хлещут пиво в погребе. А потом, в один прекрасный день, – хлоп, расцветают, как какой-нибудь Адам Финдлэтер или Дан Таллон. И при этом еще не забудьте: конкуренция. Всеобщая жажда. Вот была бы неплохая задачка – пройти по Дублину, не встретив по дороге ни одного кабака. Копить им не из чего. Может быть, с пьяных. Пишем три, пять в уме. А много ли получится? Тут шиллинг, там шиллинг, потихоньку, помаленьку. Может быть, на оптовых заказах. Снюхиваются с коммивояжерами. Вкрути хозяину, а мы с тобой поделимся, понял?

Сколько же это получится в месяц, хотя бы с портера? Скажем, десять бочек. Скажем, он получает десять процентов. Нет, больше. Десять. Пятнадцать. Он прошел мимо святого Иосифа, народного училища. Мальчишки орут. Окна открыты. Свежий воздух укрепляет память или песенка. Эйбиси дифиджи кэломэн опикю рэстюви дэблью. Они мальчишки? Да. Иништурк. Инишарк. Инишбоффин. Урок гиаграфии. Гора Блум⁶.

Он остановился у витрины Длугача, уставился на гирлянды сосисок, болонских колбас, черных и белых. Пятьдесят помножим на. Цифры блекли в его сознании, нерешенные: недовольный, он позволил им растаять. Сверкающие цепочки, начиненные мясом, радовали его

---

³ Одна из книг библиотеки Блума: *Томпсон Ф. Д.* По пути солнца. Дневник путешественника. Лондон, 1893.

⁴ До Унии 1800 года в этом здании размещался Ирландский парламент.

⁵ Стенич имел в виду «нехорошее место».

⁶ Такая гора есть к юго-западу от Дублина.

взор, и он спокойно вдыхал тепловатое дыхание вареной, приправленной специями свиной крови.

Почка сочилась кровью на блюде, разрисованном листьями ивы: последняя. Он стоял у прилавка рядом с прислугой из соседнего дома. Пожалуй, она ее купит, перечитывает, что ей заказали, – держит в руке записку. Изъедена: щелоком. И полтора фунта сосисок. Его глаза остановились на ее мощных икрах. Вудс его зовут. Не знаю, чем занимается. Жена старовата. Свежая кровь. Чтоб никаких ухажеров. Крепкие руки. Выбивает ковер на веревке, ей-богу, выбивает. Как ее неровный подол взлетает при каждом взмахе.

Мясник с глазами хорька сложил сосиски, которые он срезал пятнистыми пальцами, сосиско-розовыми. Крепкое мясо, точно откормленная телка.

Он взял лист из кучи нарезанной бумаги. Образцовая ферма в Киннерете на берегу Тиве-риады. Можно создать идеальный зимний санаторий. Мозес Монтефиоре⁷. Я знал, что это он. Ферма, кругом стена, расплывшийся скот пасется. Он отвел лист подальше от глаз: интересно. Надо прочесть как следует заглавие, расплывшийся скот на пастбище, лист шуршал. Молодая белая телка. Те утра на скотном рынке, скот мычит в загоне, клейменные овцы, шлепанье навоза, скотопромышленники увязают подкованными сапогами в подстилке для скота, хлопают ладонью по мясистой задней части, вот огузок первый сорт, в руках сыромятные бичи. Он терпеливо держал листок наискось, склоняя чувства и волю, глядя прямо перед собой тихим, покорным взором. Неровный подол взлетал при каждом взмахе.

Мясник выхватил два листа из кучи, завернул ей сосиски высшего сорта и скривил красную морду.

– Пожалуйте, барышня, – сказал он.

Она подала монету, нахально улыбаясь, вытянув толстую руку.

– Спасибо, барышня. Шиллинг три пенса сдачи. Вам что угодно?

М-р Блум поспешно указал. Скорей взять и за ней, если она пойдет медленно, за ее колышущимися окороками. Первое впечатление дня, приятно. Поскорей, черт возьми. Куй железо, пока горячо. Она постояла у лавки в солнечном свете и лениво поплелась направо. Он выдохнул воздух носом: они ни черта не понимают. Изъеденные щелоком руки. Роговые ногти на пальцах ног. Коричневая рваная власяница, защищающая ее со всех сторон. Колючее презрение разгорелось в легкую радость в его груди. Для другого: отставной констебль мял ее на Экклз-лэйн. Было бы за что подержаться. Сосиски первый сорт. Ах, простите, г-н полицейский, я заблудилась в лесу.

– Три пенса, пожалуйста.

Его рука взяла влажную, мягкую железу и сунула ее в боковой карман. Потом она достала из брючного кармана три монеты и положила их на резиновые пупырышки. Они полежали, были быстро сосчитаны и быстро смахнуты, кружок за кружком, в ящик.

– Благодарю вас, сэ, заходите в другой раз.

Жадная вспышка лисьих глаз поблагодарила его.

Через мгновенье он отвел взгляд. Нет, лучше не надо: в другой раз.

– Добрый день, – сказал он, уходя.

– Добрый день, сэ.

Ни следа. Ушла. Ну и что ж?

Он пошел домой по Дорсет-стрит, углубившись в чтение. Агендат Нехаим: товарищество плантаторов. На предмет покупки у турецкого правительства незаселенных песчаных участков и посадки на них эвкалиптовых деревьев. Огромные достоинства: тень, топливо и строительный материал. Апельсинные рощи и необозримые бахчи к северу от Яффы. Вы платите восемь

---

⁷ Сэр Мозес Монтефиоре (ум. 1885) – английский миллионер, сторонник сионистского движения, финансировал еврейскую колонизацию Палестины.

марок, и вам засаживают один дунам земли маслинами, апельсинами, миндалем и цитрусами. Маслины дешевле. Апельсины нуждаются в искусственном орошении. Ежегодно будете получать образцы урожая. Имя владельца вносится в пожизненную книгу товарищества. Первый платеж – десять, остальное – ежегодными взносами. Блейбтрейштрассе, 34, Берлин СВ, 15.

Номер не пройдет. Но что-то в этом есть.

Он увидел стадо, расплывшееся в серебряном зное. Серебряные, припудренные масляные деревья. Спокойные, долгие дни: подрезка, созревание. Маслины укладывают в банки, да? У меня осталось несколько штук от Эндруза. Молли их выплевывает. Теперь она находит в них вкус. Апельсины в папиросной бумаге укладывают в корзины. Цитрусы тоже. Интересно, живет ли еще бедняга Цитрон в Сэнт-Кэвинс-Параде? И Мастянский со своей старой цитрой. Хорошие у нас бывали вечера. Молли в плетеном кресле Цитрона. Приятно подержать в руке холодный, восковой фрукт, подержать в руке, поднести к носу и вдохнуть аромат. Вот так, тяжелый, сладкий, дикий аромат. Всегда один и тот же, из года в год. Да и цены они берут неплохие, Мойзель мне говорил. Арбэтэс-плейс: Плезентс-стрит: добрые старые времена. Должны быть без малейшего изъяна, он говорил. А дорога какая. Испания, Гибралтар, Средиземное море, Левант. Корзины выстроились на набережной в Яффе, какой-то парень отчеркивает их в книжке, моряки в грязных робах ворочают их. А вон тот как его зовут из мое вам. Не видит. Шапочное знакомство, скучно. Со спины похож на того норвежского капитана⁸. Интересно, встречу ли я его сегодня. Фургон для поливки улиц. Чтобы вызвать дождь. Яко на небеси и на земли.

Облако постепенно наползало на солнце, всё больше, медленно, всё больше. Серое. Далекое.

Нет, не так. Бесплодная земля, голая пустыня. Вулканическое озеро, мертвое море: без рыб, без водорослей, запавшее глубоко в землю. Никакой ветер не поднимет этих волн, серого металла, ядовитых туманных вод. Серный дождь, так они называли эту штуку с неба: города в долине: Содом, Гоморра, Эдом⁹. Все мертвые имена. Мертвое море в мертвой стране, серой и древней. Теперь древней. Она вскормила самый древний, самый первый народ. Сгорбленная старая ведьма вышла от Кассиди, вцепившись в горлышко водочной бутылки. Самый древний народ. Странствовал по всему миру, из плена в плен, размножаясь, умирая, повсюду рождаясь вновь. Он лежит там теперь. Теперь больше не может рожать. Мертв: как у старухи: серое, запавшее влагилице мира.

Запустение.

Серый ужас палил его плоть. Сложив лист и сунув его в карман, он свернул в Экклз-стрит, торопясь домой. Холодные маслянистые струи скользили по его венам, холодная кровь: старость сковывала его соляным покровом. Ну вот, я и пришел. По утрам постоянно всякая гадость мерещится. Встал не с той ноги. Надо опять начать делать гимнастику по системе Сандова¹⁰. Ходить на руках. Пятнистые, коричневые кирпичные дома. Номер восьмидесятый всё еще не сдан. Почему это? Ведь стбит всего-навсего двадцать восемь. Тауэрз, Бэттерзби, Норз, Мак-Артур: на окнах в первом этаже билетки. Пластыри на больном глазу. Вдохнуть нежный чайный пар, чад сковороды, шипящее масло. Ближе к ее обильному, согретому постелью мясу. Да, да.

Быстрый, теплый солнечный свет прибежал в мягких сандалиях с Бэркли-сквер вдоль светлеющего тротуара. Бежит, она бежит мне навстречу, девушка с золотыми волосами по ветру.

---

⁸ Фольклорная шутка про капитана-норвежца, который был горбат, но обвинял портного в пошиве сюртука не по фигуре.

⁹ Эдом – название царства, а не города, строго говоря.

¹⁰ Юджин Сандов – физкультурник, автор книги «Физическая сила и как ее развить» (1897), имевшейся в библиотеке Блума.

Два письма и открытка лежали на полу в передней. Он нагнулся и поднял их. Миссис Мэрион Блум. Его быстрое сердце сразу забилося медленней. Нахальный почерк. Миссис Мэрион.

– Польди!

Войдя в спальню, он полузакрыв глаза и подошел сквозь теплый желтый сумрак к ее взлохмаченной голове.

– Кому письма?

Он посмотрел на них. Мэллингэр. Милли.

– Мне от Милли письмо, – сказал он медленно, – а тебе открытка. И письмо тебе.

Он положил открытку и письмо на пикейное покрывало у сгиба ее колен.

– Поднять штору?

Осторожными рывками поднимая штору до половины, он увидел, скосив глаза, как она взглянула на письмо и сунула его под подушку.

– Так довольны? – спросил он, обернувшись.

Она читала открытку, опершись на локоть.

– Она получила вещи, – сказала она.

Он подождал; она отложила открытку и снова медленно, с блаженным вздохом свернулась клубком.

– Сделай скорей чай, – сказала она, – у меня внутри всё пересохло.

– Вода кипит, – сказал он.

Но он остался и убрал со стула: ее полосатую нижнюю юбку, смятую, запачканную рубашку: взял всё в охапку и положил в ногах кровати.

Когда он спускался в кухню, она позвала:

– Польди!

– Что?

– Сполосни чайник.

Определенно кипит: хвост пара из носика. Он прокипятит и сполоснул фарфоровый чайник и положил в него четыре полных ложки чая, потом наполнил его водой, наклонив большой чайник. Поставив чай завариваться, он снял большой чайник, и поставил сковороду на горящие угли, и стал следить, как скользит и тает комок масла. Покуда он разворачивал почку, кошка, мяукая, терлась об него. Дашь ей слишком много мяса, она перестанет ловить мышей. Говорят, они не едят свинины. Кошер. На. Он уронил измазанную кровью бумагу и бросил почку в шипящее масло. Перец. Он щепотью, кругообразно посыпал ее перцем из надтреснутой рюмки для яиц.

Потом он вскрыл письмо, пробежал глазами страницу и перевернул ее. Спасибо: новый берет: м-р Кофлэн: пикник на озере Оуэл: молодой студент: купальщицы Блэйзиса Бойлэна.

Чай заварился. Он наполнил свою собственную чашку, фальшивый «Краун-Дерби», улыбаясь. Глупышка Милли подарила в день рождения. Ей было тогда всего пять лет. Нет, постойте: четыре. Я подарил ей поддельные янтарные бусы, она их разорвала. Совал для нее в ящик для писем сложенные пополам листы коричневой бумаги. Он улыбался, наливая чай.

О Милли Блум, ты моя душка,
Кроме тебя, мне никого не надо,
Ты мне милее без одной полушки,
Чем Кэти Кио с осликом и садом¹¹.

---

¹¹ Джойс переиначивает куплет популярной эстрадной песенки «Приморские красотки» С. Ловера.

Бедный старый профессор Гудвин. Ужасный старый хрен. А все-таки был воспитанный старик. Как он по-старомодному кланялся, уводя Милли с эстрады. А это его зеркальце в цилиндре! Милли однажды вечером принесла его в гостиную. Посмотрите, что я нашла в шляпе профессора Гудвина! Мы все смеялись. Уже тогда чувствовалась женщина. Живая была девчонка.

Он воткнул вилку в почку и шлепнул ее на другую сторону: потом поставил чайник на поднос. Крышка запрыгала, когда он взял поднос. Всё поставил? Бутерброды, четыре, сахар, ложка, сливки для нее. Да. Он понес его наверх, зацепив большим пальцем ручку чайника.

Толкнув дверь коленом, он внес поднос и поставил его на стул подле кровати.

– Как ты долго возился, – сказала она.

Медные шишки зазвенели, когда она резко выпрямилась, упершись локтем в подушку. Он спокойно посмотрел сверху вниз на ее жирное туловище и между большими, мягкими грудями, висевшими в ночной рубашке, как козье вымя. Тепло, поднимавшееся от ее лежащего тела, мешалось с запахом чая, который она наливала.

Полоска разорванного конверта выглядывала из-под смятой подушки. Уходя, он остановился и выровнял покрывало.

– От кого письмо? – спросил он.

Нахальный почерк. Мэрион.

– Ах, это от Бойлэна, – сказала она. – Он прислал мне программу.

– Что ты будешь петь?

– «La ci darem» с Дж. С. Дойлем, – сказала она, – и «Старинную песню любви»¹².

Ее полные пьющие губы улыбнулись. От этого ладана на следующий день остается довольно противный запах. Как протухшая вода из-под цветов.

– Не открыть ли мне на минутку окно?

Она отправила в рот сложенный пополам ломтик хлеба, спросила:

– В котором часу похороны?

– Кажется, в одиннадцать, – ответил он, – я еще не читал газет.

Следя за ее вытянутым пальцем, он за одну штанину поднял с кровати ее грязные панталоны. Нет? Тогда скрученную серую подвязку с чулком: слежавшаяся, блестящая пятка.

– Нет: книгу.

Другой чулок. Ее нижняя юбка.

– Наверно, упала, – сказала она.

Он пошарил. *Voglio e non vorrei*¹³. Правильно ли она произносит: *voglio*. В кровати нет. Наверно, завалилась. Он нагнулся и приподнял подзор. Упавшая книга распласталась на округлости оранжевотонного ночного горшка.

– Посмотри-ка, – сказала она. – Я заложила это место. Я тебя хотела спросить про одно слово.

Она хлебнула глоток чая из чашки, которую она держала не за ручку, и, быстро вытерев пальцы о простыню, стала водить шпилькой по странице, покуда не нашла слова.

– Метем что? – спросил он.

– Вот, – сказала она. – Что это значит?

Он нагнулся и прочел слово около лакированного ногтя ее мизинца.

– Метемпсихоз?

– Да. Кто это такой?

---

¹² Еще одна популярная эстрадная песня – Дж. Лаймана – Дж. К. Бингама.

¹³ «Хочу и не хотела бы» (*итал.*), слова из упомянутого выше дуэта «Дай руку мне, красотка» Дон Жуана и Церлины (опера В. А. Моцарта).

– Метемпсихоз, – сказал он, хмурясь. – Это по-гречески: из греческого. Это означает трансмиграцию душ.

– Вот тебе раз! – сказала она. – Расскажите нам своими словами.

Он улыбнулся, искоса взглянув в ее смеющиеся глаза. Те же самые молодые глаза. Та первая ночь после шарад. Долфинз-Барн. Он перевернул сальные страницы. *Руби, гордость арены*. Ага! Иллюстрация. Разъяренный итальянец с бичом. А эта голая на полу, должно быть, и есть Руби, гордость. Страница предусмотрительно загнута. *Чудовище Маффеи бросил свою жертву и с проклятием оттолкнул ее*. В основе всего жестокость. Оглушенные наркозом животные. Трапезия у Хенглера. Пришлось отвернуться. Чернь разевала рот. Сломай себе шею, и мы надорвемся от смеха. Целыми семьями. С детства выкручивают им суставы, иначе не будет метемпсихоза. Чтобы мы жили после смерти. Наши души. Чтобы душа человека после его смерти. Душа Дигнэма...

– Ты ее прочла? – спросил он.

– Да, – сказала она. – В ней нет ничего похабного. И она всё время любит первого?

– Не читал. Хочешь другую?

– Да. Достань мне Поль де Кока. Какое славное имя!

Она налила себе еще чаю, следя сбоку за струей.

Надо продлить абонемент на ту книгу в библиотеке на Кэпел-стрит. А то они напишут Кирни, моему поручителю. Реинкарнация: вот это правильно.

– Некоторые люди верят, – сказал он, – что мы после смерти продолжаем жить в другом теле, что мы жили еще раньше. Это называется реинкарнацией, перевоплощением. Что мы все жили раньше, тысячи лет тому назад, на Земле или какой-нибудь другой планете. Они говорят, что мы забыли. Некоторые говорят, что они помнят свои прошлые жизни.

Ленивые сливки вились в чае волокнистыми спиралями. Чтобы она запомнила слово: метемпсихоз. Хорошо бы какой-нибудь пример. Пример?

«Купанье нимфы» над кроватью. Приложение к пасхальному номеру *Photo Bits*: роскошное многокрасочное произведение искусства. Как чай без молока. Чутьочку похожа на нее с распущенными волосами: стройней. За рамку отдал три и шесть. Она сказала, что над кроватью будет чудно выглядеть. Нагие нимфы. Греция: и пример – все люди, жившие тогда.

Он опять раскрыл книгу.

– Древние греки, – сказал он, – называли это метемпсихозом. Они верили, что человек может превратиться в животное или, например, в дерево. Ну, то, что они называли нимфами, к примеру.

Ее ложка перестала размешивать сахар. Она смотрела прямо перед собой, втягивая воздух раздутыми ноздрями.

– Пахнет горелым, – сказала она. – Ты не оставил ли чего на огне?

– Почка! – крикнул он вдруг.

Он небрежно сунул книжку во внутренний карман и, ушибив пальцы ног о сломанный комод, побежал на запах, торопливо перебирая по ступенькам журавлиными ногами. Удушливый дым поднимался сердитым лучом над одной стороной сковороды. Подцепив зубцом вилки почку, он оторвал ее и перевернул, как черепаху, на спину. Только чутьочку подгорела. Он спихнул ее со сковороды на тарелку и полил коричневым соусом.

Теперь чашку чаю. Он сел, отпилил и намазал маслом ломтик хлеба. Он отрезал подгорелое мясо и бросил его кошке. Потом он отправил себе в рот вилку с большим куском и стал вдумчиво жевать вкусное, податливое мясо. Поджарено в самый раз. Глоток чая. Потом он нарезал хлеб на кусочки, обмакнул один из них в соус и положил себе в рот. Что это она там пишет про молодого студента и пикник? Он разложил письмо подле себя и медленно стал читать его, жуя, макая новый кусок хлеба в соус и поднося его ко рту.

Дорогой папуля.

Спасибо большущее за дивный подарок ко дню рождения. Он мне замечательно идет. Все говорят, что я в новом берете прямо красавица. Мамочкину дивную коробку сливочных конфет я тоже получила и могу сказать одно: они дивные. Я теперь очень увлекаюсь фотографией. М-р Кофлэн сделал с меня снимок, и его жена пошлет вам его, когда он будет проявлен. Вчера у нас было очень много дел. Был день ярмарки, явилась вся наша компания. В понедельник мы собираемся устроить настоящий пикник на озере Оуэл. Передай привет мамочке, а тебя я крепко целую и благодарю. Я слышу, как внизу играют на рояле. В субботу в Гревилл-Армз будет концерт. К нам иногда вечером приходит один молодой студент по фамилии Бэннон, его двоюродные братья или что-то в этом роде, какие-то важные господа, он поет песенку Бойлэна (я чуть не написала Блэйзиса Бойлэна) о купальщицах. Передай ему сердечный привет от глупышки Милли. Кончаю с горячей любовью.

Твоя любящая дочь,
Милли.

P. S. Прости за скверный почерк, очень спешила. Пока.
М.

Вчера пятнадцать. Забавно, как раз пятнадцатого числа. Первый день рождения не у себя дома. Разлука. Помню то летнее утро, когда она родилась. Побежал на Дензилл-стрит, стучался к миссис Торнтон. Бодрая старушка. Сколько младенцев она вытащила на свет Божий. Она сразу же поняла, что бедняжка Руди не выживет. Что поделаешь, Бог милостив, сэр. Она сразу же поняла. Ему было бы теперь одиннадцать, если бы он был жив.

Он грустно уставился пустым лицом на постскрипту. Прости за скверный почерк. Спешила. Внизу играют на рояле. Вылупляется из яйца. Как мы с ней повздорили в кафе из-за браслетки. Не притрагивалась к пирожному, не разговаривала, не смотрела. Дерзкая девчонка. Он обмакнул еще несколько кусочков хлеба в соус и кусок за куском съел почку. Двенадцать и шесть в неделю. Не так много. Но могло бы быть хуже. Статисткой в мюзик-холле. Молодой студент. Он глотнул остывшего чая, чтобы запить еду, потом перечитал письмо: дважды.

Ничего, ничего: она знает, как уберечь себя. А если нет? Нет, ничего не случилось. Но может случиться, конечно. Во всяком случае, подождем до тех пор. Сумасшедшая девчонка. Какие у нее стройные ножки, когда она взбегаёт по лестнице. Судьба. Как раз теперь созревает. Тщеславная: очень.

Взволнованный, тронутый, он улыбнулся кухонному окну. Как я ее тогда накрыл на улице – щипала себе щеки, чтобы были румяными. Чутьочку малокровна. Слишком долго кормили грудью. А тогда – на «Короле Эрина» вокруг Киша. Поганая старая лоханка еле ползла. Ни капли не испугалась. Ее бледно-голубой шарф развевался по ветру вместе с волосами.

Ах, эти ямочки, ах, эти пряди!
Крюжится голова при первом взгляде.

Купальщицы. Разорванный конверт. Руки в карманах, кучер в выходной день, поет. Друг семьи. Он произносит: крюжится. Мол с фонарями, летний вечер, музыка.

Купальщицы, купальщицы,
Ах, эти чудные купальщицы.

Милли тоже. Юные поцелуи: первые. Теперь уже в далеком прошлом. Миссис Мэрион. Теперь лежит на спине, читает, перебирает пряди волос, улыбается, сплетает их.

Легкая дрожь пробежала по его спине, усилилась. Будет то же самое, да. Предупредить. Беспечно: ничего не поделаешь. Сладкие, яркие девичьи губы. Будет то же самое. Он почувствовал, как дрожь охватывает его тело. Беспечно: теперь ничего не поделаешь. Губы целованные, целующие целованные. Полные липкие женские губы.

Хорошо, что она там: уехала. Занять бы ее чем-нибудь. Просила собаку, чтобы не скучать. Надо бы туда съездить. В августе, в первый понедельник, банк будет закрыт, обратный билет всего-навсего два шесть. Как-никак шесть недель. Может быть, достану бесплатный билет по газетному удостоверению. Или через Мак-Коя.

Кошка, вылизавшая всю свою шкурку, вернулась к запачканной мясом бумаге, обнюхала ее и пошла к двери. Она обернулась, мяуча. Хочет выйти. Подожди у двери, когда-нибудь она откроется. Пусть подождет. Не может посидеть на месте. Электричество. Гроза в воздухе. Моет уху, повернувшись спиной к огню.

Он почувствовал себя тяжелым, полным: потом кишки слегка осели. Он встал, расстегнул пояс брюк. Кошка замяукала на него.

– Мяу! – сказал он в ответ. – Подожди, пока я справлюсь.

Парит: будет жаркий день. Не стоит подниматься наверх на площадку.

Газету. Он любил читать в уборной. Надеюсь, никто не сунется, пока я.

В ящике стола он нашел старый номер *Titbits*. Он сунул его под мышку, подошел к двери и открыл ее. Кошка мягкими прыжками помчалась по лестнице. Ага, хотела наверх, свернуться клубком на кровати.

Он прислушался, услышал ее голос:

– Иди, иди, кисенька. Иди сюда!

Черным ходом он вышел в сад: остановился послушать, что делается в соседнем саду. Ни звука. Может быть, развешивает белье для сушки. Служанка была в саду. Чудное утро.

Он нагнулся, чтобы рассмотреть тощую мятую траву, росшую вдоль ограды. Построить бы тут беседку. Красные турецкие бобы. Плющ. Надо бы удобрить весь участок. Скверная земля. Слой удобрения. Если не удобрять, земля будет всюду такая. Кухонные отбросы. Глина, что это, в сущности, такое? Куры в соседнем саду: их помет – очень хорошее удобрение. Хотя лучше всего – коровий, особенно если кормить их жмыхами. Перегной. Лучшее средство для чистки лайковых дамских перчаток. Грязь очищает. Зола тоже. Перепланировать весь участок. Вон в том углу посадить горошек. Салат-латук. Всегда будет свежая зелень. Хотя сады имеют и свои недостатки. Та пчела или муха в Духов день.

Он пошел дальше. Кстати, где моя шляпа? Должно быть, повесил ее обратно на вешалку. Или в передней. Странно, не могу вспомнить. Вешалка совсем полна. Четыре зонтика, ее дождевик. Поднимал письма. В лавке у Драго звонил колокольчик. Удивительно, я как раз в этот момент думал. Коричневые напмаженные волосы над его воротником. Только что мыл голову и причесывался. Успею ли я сегодня сходить в баню? Тара-стрит. Говорят, этот тип за кассой помог убрать Джеймса Стивенса¹⁴. О'Брайен.

Низкий какой голос у этого Длугача. Агенда как это там? Итак, мадемуазель. Энтузиаст.

Он толкнул ногой ветхую дверь нужника. Надо быть осторожней, не запачкать к похоронам брюк. Он вошел, нагнув голову под низкой притолокой. Оставив дверь полуоткрытой, среди воняющей плесневелой известки и пыльной паутины, он отстегнул подтяжки. Прежде чем сесть, он глянул в щель на соседнее окошко. Царь был один в своей сокровищнице. Никого.

Усевшись на стульчак, он разложил газету на голых коленях и стал переворачивать листы. Что-нибудь новое и легонькое. Не надо торопиться. Чуточку придержать. Наш конкурс.

---

¹⁴ Руководитель Общества фениев, подвергался тюремному заключению.

Мастерской удар Мэтчэма. Автор – м-р Филипп Бофуа, Театральный клуб, Лондон. Автор получил по одной гинее за колонку. Три с половиной. Три фунта три. Три фунта тринадцать и шесть.

Он спокойно прочел, сдерживаясь, первую колонку и, уступая, но всё еще придерживая, начал вторую. Дойдя до середины, он уступил окончательно и позволил своему кишечнику спокойно опорожниться, терпеливо читая, покуда не прошел весь небольшой вчерашний запор. Надеюсь, не слишком толсто, чтоб опять не было геморроя. Нет, в самый раз. Так. А! При запоре одну лепешку каскара саграда. Может быть, такова жизнь. Рассказ не взволновал и не тронул его, но было в нем что-то живое и приятное. Нынче всё печатают. Мертвый сезон. Он продолжал читать, спокойно сидя над своим вздымающимся снизу запахом. Определенно ловко. *Мэтчэм часто вспоминает о мастерском ударе, благодаря которому он завоевал смеющуюся колдунью, которая теперь.* Начало и конец нравоучительные. *Рука об руку*¹⁵. Здорово. Он еще раз пробежал глазами прочитанное и, чувствуя, как спокойно течет его вода, беззлбно позавидовал м-ру Бофуа, который написал этот рассказ и получил за него гонорар в размере трех фунтов тринадцати и шести.

Попробовать написать скетч. Авторы – Л. и М. Блум. Выдумать какую-нибудь историю, взять темой поговорку, какую? Когда-то я пробовал записывать на манжете всё, что она говорила, одеваясь. Терпеть не могу одеваться вместе. Порезался, бреясь. Закусывает нижнюю губу, застегивая юбку. Проверял ее по часам. 9:15. Робертс тебе уже заплатил? 9:20. Как Грета Конрой была одета? 9:23. Черт меня дернул купить эту гребенку! 9:24. Меня пучит от капусты. Пылинка на ее лакированной туфле.

Быстро, по очереди трет носки туфель об икру в чулке. Утро после благотворительного базара, где оркестр Мэя играл «Танец часов» Понкиелли¹⁶. Объяснял, что сначала утренние часы, полдень, потом наступает вечер, потом ночные часы. Чистит зубы. Это была первая ночь. Ее голова плясала. Лопасты ее веера потрескивали. Он богатый, этот Бойлэн? У него есть деньги. Почему? Во время танца я заметила, что у него хорошо пахнет изо рта. Тогда какой смысл хмыкать? Намекнуть. Странная музыка вчера вечером. Зеркало было в тени. Она быстро потеряла свое ручное зеркальце о шерстяной жакет на полной, зыбкой груди. Погляделась в него. Морщинки под глазами. Не так уж спокойно.

Вечерние часы, девицы в сером газе. Потом ночные часы, в черном, с кинжалами и в масках. Поэтическая выдумка, розовое, потом золотое, потом серое, потом черное. И при этом абсолютно жизненно. День, потом ночь.

Он одним махом оторвал половину премированного рассказа и подтерся ею. Потом он подтянул брюки, пристегнул подтяжки и застегнулся. Он толкнул тугую, тряскую дверь нужника и вышел из полумрака на воздух.

На ярком свету, облегченный и посвежевший, он внимательно осмотрел свои черные брюки, низ, колени, складки на коленях. В котором часу похороны? Лучше всего справиться по газете.

Скрип и глухое гуденье высоко в воздухе. Колокола церкви св. Георгия. Они отзванивали время: громкое, глухое железо.

Бимбом! Бимбом!
Бимбом! Бимбом!
Бимбом! Бимбом!

Без четверти. Потом опять: обертон держался в воздухе. Терцию.

---

¹⁵ Джойс цитирует свой детский рассказ, посланный на конкурс журнала *Tibits* («Лакомые куски»).

¹⁶ Из оперы «Джоконда».

Бедный Дигнэм!

***¹⁷

М-р Блум спокойно прошел мимо тележек на набережной сэра Джона Роджерсона, мимо Виндмилл-лэйн, маслобойки Лиска, почтово-телеграфной конторы. Можно было дать и этот адрес. И мимо Дома моряка. Он отвернулся от утренних шумов набережной и пошел по Лайм-стрит. У коттеджей Брэди околачивался мальчишка, на руке у него висело мусорное ведро, он курил изжеванный окурок. Девочка еще меньше его, со следами экземы на лбу, глазела на него, рассеянно придерживая поломанный обруч. Сказать ему, что, если он будет курить, он перестанет расти. Бог с ним! Ему тоже не очень сладко живется. Дежурит у трактиров, чтобы отвести папу домой. Идем домой к маме, папа. Мертвый час: наверно, там народу будет немного. Он пересек Таунсэнд-стрит, прошел мимо хмурого фасада церкви Бетэл¹⁸. Эл, да: дом: Алеф, Бет. И мимо похоронного бюро Николза. Назначено в одиннадцать. Времени достаточно. Кажется, Корни Келлехер устроил О'Нилу это дело. Поет с закрытыми глазами. Корни. Встретил ее как-то раз у парка. Им было жарко. Вот так дикарка. Полицейский шпик. Потом сказала свое имя и адрес с искренним тамтарарам-пампам. Ну конечно, он всё прибрал к рукам. Похороните его по дешевке в каком-нибудь где вам будет угодно. С искренним тамтарарам-тамтарарам.

На Вестлэнд-роуд он остановился у витрины Белфастской и Восточной чайной компании и прочел ярлыки на цыбиках из свинцовой бумаги: лучшая смесь, высшего качества, семейный чай. До чего жарко. Чай. Надо достать у Тома Кернана. На похоронах, впрочем, неудобно спрашивать. Пока глаза его кротко читали, он снял шляпу, спокойно вдохнул жирный запах своих волос и с медлительной грацией провел правой рукой по лбу и волосам. Очень жаркое утро. Из-под опущенных век его глаза нашли узенький кожаный ободок внутри его высшей марки шля. На месте. Его правая рука нырнула внутрь шляпы. Его пальцы быстро нашли за кожаным ободком карточку и переложили ее в жилетный карман.

Как жарко. Его правая рука еще раз медленней скользнула по волосам: смесь высшего качества из лучших цейлонских сортов. Дальний Восток. Должно быть, дивная страна: сад мира, большие ленивые листья, на которых можно плавать, кактусы, лужайки в цветах, змеистые лианы, так они называются. Так ли это на самом деле? Сингалезы нежатся на солнце, это такое dolce far niente. За весь день пальцем не шевельнут. Спят шесть месяцев в году. Такая жара, что не хочется ссориться. Влияние климата. Летаргия. Цветы безделья. Воздух – лучшее питание. Азот. Оранжереи в ботанических садах. Растения не-тронь-меня. Водяные лилии. Лепестки до того вялые, что. В воздухе сонная болезнь. Идешь по розовым лепесткам. Попробовали бы они поесть потрохов и телячьих ножек. Где это он был, тот парень, я видел его на какой-то картинке? Ах да, на Мертвом море, плыл на спине, читал книгу под открытым зонтом. Невозможно утонуть, если даже захочешь: до того много соли. Это потому, что вес воды, нет, вес тела, погруженного в воду, равен весу... Или объем равен весу? Словом, есть какой-то закон в этом роде. Вэнс в школе хрустел на уроках суставами пальцев. Курс занятий. Хрустящий курс. Что такое, в сущности, вес, когда говорят вес? Тридцать два фута в секунду, в секунду. Закон падения тел. В секунду, в секунду. Все тела падают на землю. Земля. Закон земного притяжения, это и есть вес.

---

¹⁷ В «Улиссе» это эпизод 5, или глава 2 части II.

¹⁸ Дом Армии спасения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.